

ПРОЗЕВАННЫЙ ГЕНИЙ

Анна БОВШЕК:

ГОРОД ДОБРЫЙ. ГОРОД ЗЛОЙ...

...Сегодня трудно представить себе, что двадцать лет назад имя "Сигизмунд Кржижановский" было известно едва ли десятку людей. О том, как началось его возвращение в литературу, писалось много раз, но всегда хочется сделать это снова. Рассказать о том, как не удавалось ему напечатать книги в 1920-е или в 1930-е годы, — ну разве что самые крохи; о том, как любили и ценили его современники из самых придирчивых. Как этого "писателя для писателей", волею судьбы десятилетиями не имевшего выхода к читателю, постигла немота — сначала фигуральная, "писательская", затем и буквальная, болезненно-человеческая... Как много после смерти Кржижановского Вадим Перельмутер, заинтересовавшись дневниковой записью Георгия Шенгеля о "прозеванном гении", отправился в — тогда еще — ЦГАЛИ посмотреть его рукописи. Как до прозрачности был зачитан студентами МГУ экземпляр самой первой книги "Воспоминания о будущем" (1989 г.)...

Собрание сочинений С.Д. Кржижановского, которое выпускает петербургское издательство "Symposium", сегодня почти закончено: на подходе — последний, пятый том.

Не было бы у писателя и посмертной славы, когда бы не жена, актриса Анна Гавриловна Бовшек. Он не принадлежал к тем, кто "женится на своей вдове"; но она была и навсегда осталась верна его творчеству — в самом высоком смысле. И после его смерти позаботилась, чтобы рукописи не погибли, остались в архивах. Благодаря ей мы получили русско-голландского писателя европейского класса, а он — обрел, наконец, читателей. Поздно; но все-таки — не "никогда".

В 1920-1930-е гг. так часто, как только удавалось, Анна Бовшек приезжала в Одессу, навещала мать и родственников, грелась в лучах своего родного южного солнца. Москву она не любила, считала ее — почти всерьез — виновницей несчастья Сигизмунда Доминиковича. Разлучаясь, они переписывались. Весь корпус писем увидит свет в пятом томе. Здесь — только несколько отрывков из писем А.Г. Бовшек (РГАЛИ, ф. 2280, оп. 2, е. х. 1), лишь штрихи к автопортрету, к портрету города и — любимого человека.

18 июня 1923

Мой добрый-добрый, мой хороший друг, бесконечно обрадовалась Вашему письму, беру его с собой к морю, в степь, и стараюсь из-за строк видеть Вас. <...> Я живу в разоренной дикой местности: на версту кругом ни чернил, ни пера, ни бумаги. <...> ...оставшись без почтовых принадлежностей, почувствовала себя так, как чувствуют себя матросы, убедившись, что на корабле не осталось ни капли воды для питья. Листы, на которых я пишу сейчас, достались мне почти с такой же трудностью, с какой они достаются выброшенным на необитаемый остров, так что, при Вашем воображении, мой конверт, вероятно, покажется Вам бутылкой! <...> Событий со мной не происходит никаких. В городе я не была и не буду до самого отъезда, никого, кроме своих, не вижу, но оттого, должно быть, что я отдохнула, чувствую себя так, как будто у меня впереди радостная и важная работа, к которой нужно как можно скорей приступить. Первые

две недели я ни о чем не думала, было жарко, легко, спокойно, и я просто дремала, а сейчас много, много и часто думаю о Вас, думаю неясно, радостно и с благодарностью, думаю о Москве и, конечно, немного нервничаю. Не хочется оторваться от моря и хочется Ваших глаз, умных и добрых, хочется Вашего голоса и я, о ужас! летом в мою любимую жару считала дни. <...> Хорошо тут так, что я все время думаю о том, что за такую красоту и радость можно зимой и пострадать, если суждено за все платить. Я часто вспоминаю, как Вы, сидя у окна Студии, советовали мне чаще смотреть на Москва-реку, чтобы сохранить радость от нее и для зимы, а я все время думаю о том, что Вас нет здесь и что Вы-то больше чем кто-либо могли бы насладиться морем и солнцем, и Вам не мешало бы очиститься от московской скверны. Только, милый, здесь надо "хорошо лениться", а я теперь вижу, что ничего не делать и лениться это тоже трудно, так как я часто не знаю, где кончается беспечная радостная

лень и начинается острая, тревожная, страшная тоска. Она здесь усиливается еще и тем, что нигде и никогда я не видела такого контраста между красотой природы и безобразием человеческих дел. Уцелевшие жилища такая редкость, что не развалины, а они вызывают жалость и недоумение. И все же мне хотелось, чтобы Вы все это видели... <...> Ну, теперь скоро... Будьте здоровы, родной, да хранит Вас Господь.

Ваша Нета

<без даты>

Мой добрый, родной, если б Вы знали, как мне хорошо сейчас. Я только все время думаю, что за такую радость и покой, должно быть, жестоко придется расплачиваться. Но пусть... Никаких мыслей в голове; солнце сделало меня совсем здоровой и счастливой. <...>

Представьте мое огорчение, милый, когда я узнала, что теперь на Фонтане нет почты и письма не приносят на дом. Мне все кажется, что Вы уж написали мне и теперь письмо начнет странствия. Пишите, родной, по такому адресу: Одесса, Раскайдальовская, 8, кв. 9. <...>

<без даты>

Милый, родной мой Зимек, как Ваши дела? Мысли о Вас туманят горизонт моего бездумья. <...>

У нас здесь, на Фонтане, все как будто по-прежнему и вместе не по-прежнему. Пустые дачи... все мысли, дела и надежды сосредоточены на будущих уроках. Напряжение сил огромное, такое, как бывает, когда ставка — жизнь. Я после зимы сразу почувствовала себя ослабевшей и не могу еще собрать себя как следует. Начала работать, но словно сквозь сон... Чувствую, что силы мои восстановятся скоро, потому что, хотя и нашим очень трудно, — питаюсь я все же регулярно, чем в Москве, а главное — солнце и море, которые действуют на меня чудесно. Вода теплая, погода ровная, хорошая. Пожалуй, слишком жарко. Боюсь, что не доживу до сентября, так как не хочется быть в тягость, а жизнь невероятно дорога. Пока решила об этом не думать и каждый грамм сил и здоровья копить впрок. <...>

<без даты>

Мой милый, милый, добрый друг, сегодня неделя, как я приехала, и первый день, когда я предоставлена самой себе. Все время живу на даче, но как-то не чувствовала ее, так как у

мамы окончились занятия, и все время к нам приезжали с прощальными пикниками. Я старалась быть любезной и помогала в хозяйстве, а Вы знаете, как я это люблю... Но сейчас все уехали в город, тихо, радостно, и я с удовольствием думаю о том, что через несколько часов стану прохладно, я пойду в Люстдорф, море будет слева, степь справа, потом опущу письмо в ящик, и оно пойдет к Вам. Произойдет "смычка" между Москвой и Одессой.

Кстати, украинское население очень смущено словом "смычка", т. к. украинский глагол "смыкати" значит "очищать".

<...> Мне пока сейчас очень хорошо, живу в состоянии бездумности, бездеятельности и беспечности, но все эти три "без" я себе спокойно разрешаю, потому что летом в Одессе все так живут, так что никто ни словом, ни делом не может послать мне упрека. Одесса понемножку разрушается, но это стало ее особенным состоянием, пока тихо, безмятежно — и прежней кипучей жизни в порту еще, по-видимому, нескорому суждено возродиться. <...> Будьте благословенны.

Ваша Нета.

Одесса Большая. Фонтан Станция Ковалевская Дача Бовшек
Анне Гавр. Бовшек

14 июня 1924

Зимик, Зимик — нехорошо так долго молчать. Я очень хорошо знаю состояние, когда не пишется, но и тут можно как-то овладеть собой. Я понимаю, что Вам нечего беспокоиться обо мне, но письмо мне нужно не ради меня, т. е. я хочу знать — о Вас, а не о себе. Остались Вы и без денег, и без работы и, конечно, меня точит мысль о Вас. Солнце, море и все вокруг так же чудесны, как в прошлом году, но какой-то легкости, какая была в прошлом году, нет, — быть может, я обнаглела и не так страстно ощущаю природу и отдых, а быть может, что-нибудь предощущаю... хотя нет — и тревоги нет... сказала бы, совсем живу бездумно, если бы не думала о Вас... Вчера ходила с компанией гулять далеко-далеко, на обратном пути зашли в Люстдорф выпить пива... вдруг за соседним столиком Ценин с какой-то дамой... что он делает в Люстдорфе, не понимаю; он что-то болтал о рыбном промысле, будто поселился на берегу, как рыбак, в шалаше, и стал ловить рыбу с кем-то в компании, потом будто их разогнали, и так

кончилась его трудовая жизнь. В качестве нетрудового элемента он по-видимому чувствует себя тоже хорошо... толст и весел. <...>

Ваша Нета.

Одесса Б. Фонтан 16 станция

6 августа (?)

Зимек, друг мой, — надо писать, хоть разбирает лень; не то следующий почтовый пароход, пожалуй, не застанет Вас в Коктебеле... Расставшись с Вами, я сразу впала в молчание... <...> В последнюю ночь плавания поднялся хороший ветер, и, наконец, настала пора качки, к которой Вы взывали. Пассажиры присмирели и стали с нетерпением ждать Одессы. Приехали в 6 часов утра. Небо черное от туч, море черное от волн и проливной холодной дождь. Бедный Мандес, во все время своих странствий ни разу не раскрывавший зонта и добросовестно таскавший его, в самую нужную минуту отдал зонт мне. Пришлось взять — так как он действовал энергичными убеждениями, и я поняла, как важно и хочется ему быть джентльменом. Теперь боюсь за него — с тех пор не видела, — несмотря на его огромный зонт и пальто, я вымокла, пока добралась... <...> Как назло, в порту нет прикрытия, а в город извозчик едет шагом по мокрой горе. Дня три в Одессе было холодно — сейчас неясная, мягкая, теплая погода, которую я особенно ценю после кавказской жары. В голове появились мысли — и пока неплохие... Я на юге начала было побавиться хронического отупения... <...>

Милый Зимек, как чувствуете себя Вы, как встретились с Макс-*«имиланом»* Ал-*«Александровичем»*? Кто из Ваших знакомых живет там и как Ваше настроение? Читали ли Вы что-нибудь из своих работ у М. А.? Поминаете ли Вы меня и как? Должно быть, Ваша подруга сейчас "задумчива лень" — да будет она благословенна и верна Вам во все дни отдыха... <...>

Пока целую Вас нежно и крепко.

Ваша Нета.

<без даты>

Мой милый, милый, мой добрый друг, из того, что я пишу Вам, Вы можете смело умозаключить, что со мной не произошло никакой катастрофы в дороге. От Киева до Одессы становилось все холоднее, так что на Фонтане меня встретила совсем суровая погода. Солнце сконфуженное и запрятавшееся в тучи... Правда, оно смеется с каждым днем и начинает греть понемногу. Вчера я уже купалась и делала вид, что лежу на солнце, но загара не произошло. <...> Сейчас материальные дела наших неплохи, но зимняя кампания у них была настолько тяжелой, в смысле безденежья, что они чинят старые про-

Вадим ЯРМОЛИНЕЦ

Энергия и эклектика Ильи Шенкера

В свои 85 лет Илья Шенкер говорит, что ежедневно проходит около десяти километров. Утром он выходит из своей манхэттенской квартиры на 33-й и Лексингтон и идет на север кварталов 20-30. Маршрут, по его словам, определяется светофорами. Он просто следует зеленым сигналам. Иногда поворачивает на запад, к Гудзону, иногда на восток, к Ист-Ривер. "Движение помогает сохранять бодрость и здоровье, — говорит он. — Я уже не помню, когда был у врача". Помимо многокилометровых прогулок бодрость ему помогает сохранять купание в океане. Илья рассказывает, что начинает сезон в начале апреля и купается до начала декабря. Он начал такие купания еще в Одессе и сохраняет верность "моржовому" образу жизни в Нью-Йорке.

В нью-йоркской галерее "Грант" прошла выставка работ Ильи Шен-

кера, в которой, как в зеркале, отразилась география жизни художника — от солнечного одесского пляжа до размытых вечерним туманом силуэтов манхэттенских небоскребов.

Илья родился в Одессе, после войны поступил на архитектурный факультет строительного института, а параллельно посещал занятия в Грековском училище. Получив диплом архитектора, он отдал этой профессии всего несколько лет, предпочтя ей труд художника. "За моим выбором стоял обычный человеческий эгоизм, я хотел делать то, что люблю, — объясняет художник. — И я никогда не стремился чему-то научить своего зрителя, объяснить ему что-то. Если бы я пошел по этому пути, то уж точно не смог бы делать то, что мне нравится". Его собственный художественный язык сформировался под влиянием очень разных мастеров. Это Леонардо да Винчи, Ремб-

рандт, Суриков, Серов и Врубель. "Суриков для меня бог", — признается он, и это признание в любви звучит другому — пристальному интересу к мировой истории. "Я вырос в русской культуре, и мне всегда была близка русская образность. Точно так же мне интересны темы Ветхого Завета. В США, где я стал больше узнавать об американской истории, увлекся и ею. Это все — история человечества, наша история".

Еще одним живительным источником вдохновения была Одесса. "Для меня Одесса — это бульвар, круглые дома, лестница. То, что зовется одесским ампиром, — легкая, южная архитектура. К сожалению, она недалеко ушла за пределы бульвара. Если бы это произошло, то Одесса мало отличалась бы от лучших городов Средиземноморья".

После отъезда в 1974 году Шенкер побывал в Одессе всего лишь

раз — в 1988-м. "Тогда город еще мало изменился по сравнению с теми временами, когда я его покинул, — вспоминает он. — После того визита я не испытывал большого желания посетить его. То лучшее, что в нем есть, живет в памяти. Мне этого хватает". То лучшее, что живет в памяти, помимо воли художника покидает реальную жизнь.

В бруклинской студии Шенкера я увидел небольшую работу, которая неожиданно вызвала у меня ностальгическое чувство, — уголок Нового базара: старые скобяные, как их называли, лавки; деревянные стены, крашенные зеленой и коричневой краской, листы крашеной жести на крыше; серьезные мужчины в кепках и ватниках, сосредоточенно считающие пачки рубчинок; полутемные сырые внутренности помещений, где каждый гвоздь, каждый обернутый промасленной бумагой инструмент

— клещи, молоток, отвертка — не были предметом быстрого, разового использования, а представляли собой пожизненную ценность. Сейчас это мир уничтожен, застроен тесным лабиринтом бетонных стен, забит бросовым товаром южноазиатского производства, от многоцветья которого рябит в глазах.

Возможно, ностальгическая тема получила бы большее развитие в творчестве Шенкера, окажись он в другом городе, но эмиграция занесла его в Нью-Йорк. "Я все чаще смотрю вверх, — рассказывает он. — Эти силуэты высотных домов, эти стеклянные кубы и башни невероятно захватывают. Это как другой мир. Как это сочетается с моей любовью к одесскому ампиру? Очень просто. Здесь, в Нью-Йорке, двигаясь по улице, ты часто натыкаешься на здания, которые вполне вписались бы в одесский городской пейзаж".

Эклектика и энергия — две, вероятно, наиболее выраженные черты, присущие Нью-Йорку. Они в полной мере присущи жизни и творчеству Ильи Шенкера.

НПСЛОВО

хи. <...> Деньги приносят на дом и паспорта не спрашивают. Оказалось, что удостоверения у всех просрочены, так что мы все одинаково грешны, но это не играет роли. <...>

Меня мучит то, что самый благополучный из периодов моей жизни каждого года совпадает с Вашим самым неблагополучным, и моя беспомощность в этом вопросе меня убивает. <...> Знаю, что ничего хорошего не предвиделось, но ведь спасение от клещей всегда у нас с Вами нежданно и не с той стороны, где хлопотали. <...>

14 августа (?)

<...> "...иду на вы!" Думаю я выехать 28-го, в пятницу, значит, в воскресенье, 30-го буду в Москве. <...> Чувствую, что я, как говорится, одной ногой уже

если не в Москве, то на вокзале. Такому ощущению способствует и резко изменившаяся погода. Только-только <было> тепло, а ветер уже гонит перед собой желтые листья, забирается в трубы и поднимает на море волны. Не рискуя купаться: вода теплее воздуха. Я с жадностью хватаюсь за последние лучи солнца и голубые куски неба. Говорят, что такая погода бывает здесь только в конце сентября, в начале октября. Ваш соперник — солнце — совсем бессилён, он не удержал бы меня и двух дней, если б ему не помогали все наши. Когда я думаю о Москве, я чувствую большую, большую радость от встречи с Вами и в то же время знаю, что попаду в тучу мелких забот, которые кусают меня, как комары или москиты... Ну, что же, за все надо платить!.. Прощай, фонтанское солнце! свети,

московское!!! (чтоб было легче московскому, я поставила три восклицательных знака за ним). <...>

18 августа (?)

<...> Как встретила Вас Москва?.. Брюзгливая, недобрая старуха — она всегда готовит какой-нибудь сюрприз, и я, приближаясь к ней, стараюсь угадать: какой... всегда тревожно. На этот раз осенние новости хороши, и я приободрилась. Любимый мой, Вы знаете: если Вам будет хорошо, должно быть хорошо и мне. Мы столько раз сдвигались бокалами с вином в одном и том же желании, что, может быть, в конце концов, мечта обратится в реальность. Виделись ли Вы с Евдоксией Федоровной и что слышно по поводу Ваших тех книг. Каково на том

фронте? Что узнали от Сергея Дмитриевича и от "Земли и Фабрики", виделись ли с Нарбутом? Все это меня чрезвычайно волнует. Хорошо было бы сейчас сидеть на диване, держать Вашу руку, следить за прыгающей над бровью мыслью и слушать подробно-подробно — что Вам сказали и как Вы ответили. <...> Говорят, в Москве ужасная погода... <...> Здесь, напротив, погода установилась, дни стоят нежные, мягкие, ночи теплые, море фосфоресцирует, и я по вечерам держу в руках его черную блестящую пену... Милый, горячо-горячо целую Вас.

Ваша Нета.

25 августа (?)

<...> Волнуешь перед отъездом, как школьница... Но это всякий раз,

когда мне приходится надолго расставаться с морем. Одесса на этот раз была мне особенно дорога, и я думаю — исключительно потому, что я перед ней получила для души пищу и потому что рассталась с Вами только на месяц. Больше всего я рада душевному равновесию — последние годы оно было самым уязвимым моим местом. Зимек, милый, защитите меня в Москве.

Привет моему доброму другу, господину Жилету. Он всегда в трудные минуты находил для меня слова утешения, согревал в ненастные дни и занимал в долгие зимние вечера. Милый, добрый друг — мой привет ему. Надеюсь, Вы не ревнуете к нему? Ведь Вы же сами признались мне, что и Вы тоже даже летом не можете обойтись без Него. <...>

Сигизмунд КРЖИЖАНОВСКИЙ

Золотой берег

У лукоморья дуб зеленый. Цепь, однако, не золотая, а железная, протравленная ржавчиной, притянула дуб, или дубок — как называют его обитатели Золотого берега, — неуклюже тупоносое рыбацье судно с двойным дном и зубастыми уключинами, к деревянному вбитому в песок колу. Дубок выставил свое деревянное брюхо под прямой удар золотых лучей солнца, — и длинная кисть лениво ползает по его жабрам, густо смазывая их смолой.

В двадцати шагах от запрокинувшейся кверху брюхом лодки лежат люди — пупами в небо, их животы и плечи тоже смазаны зеленой или черной глиной, а уключины пальцев лениво вытянуты вдоль бортов тела. И люди, и лодки берут солнечные ванны. Еще сотню шагов влево — и на торчащих из моря камнях (их называют здесь грядками) неподвижные фигуры людей с удочками, страстных бычкоистребителей, "зловеев царства водяного", как их называет одна из крыловских басен, на шее почти у каждого из рыболовов мокрый мешочек с наживкой, острохвостыми рачками или мелкой тюлькой. Рачков ловят сачком, а то и просто своими же трусиками, обмотанными снизу веревкой.

Злодеи водяного царства разбиваются на две партии. Одни работают длинными удилищами с длинной лесой; другие обыскивают впадины дна короткими "стрекачами", палками с приделанными к их концу двумя или тремя крючками. Дело в том, что бычок любит вести уединенную, почти отшельническую жизнь, забываясь в каменные щели-пещеры вблизи берега. Отсюда его и выдергивают крючки стрекачей.

Иные, более предприимчивые рыболовы, называвшие сотни крючков на длинной нити, называемой перементом (работают переметом обычно вдвоем), взяв в зубы с двух сто-

рон унизанную крючками нить, отправляются вплавь навстречу волнам. По пути они умудряются переговариваться, переметываться словами, не разжимая зубов, четырех челюстей, меж которых затянуты концы снарядов.

Есть еще много способов напасть на рыбу, рыбешку и рыбешек. По ночам бурлит воду пестрыми свинцовыми пластинками, так называемым самодуром. Длинными, пятисотметровыми руками охватывает слева и справа весь берег японский невод, скипаси. Скипаси заставляет рыбу ткнуться носом в сеть, удариться о плоскость, пока она, ища выхода, не влывет в мотню, в сетчатый мешок, откуда уж ей назад никак.

Здесь, на пляже, в золотых икринках песка, стоят пять-шесть деревянных грибов и десятка два коротеньких ванн. Под грибами черные тени, норовящие уползти и нырнуть внутрь влажного песка. На ваннах — зазывающие имена: Нина — Шурик — Арончик — Толя — Рая — Дуня.

Двое отцов семейств спускаются с горы к пляжу. В их руках — шесть или семь цепляющихся за пальцы маленьких ручонков.

— Вы знаете, Федор Абрамыч, "Дуня" — это вроде как символ: Д У Н Я; дураков у нас нет.

— Ну, а я?

— Про вас, извините, никто и не подумал.

Вдалеке проплывает военное судно.

— Папочка, это что-то похожее на уют.

— Да, Наташенька, это вроде как для разглаживания волн. Чтобы нам легче было купаться.

Крохотный мальчик поймал майского жука. Он сидит голубыми трусиками в желтый песок и пробует оторвать у жука щупальцы и желтую элитру.

— Дядь, а дядь, я первомайского жучка спыймал.

Пара. Ей под тридцать, ему едва набеголо двадцать. Он откусил колючему рачку хвост и размахнулся удочкой, чтобы бросить крючок в воду.

Она:

— Сёма, море такое — умереть не очень хочется.

Сёма выплевывает застрявшие меж губ рыжие волосики рачка.

— Сёма, слушай, Сёма, жить бы, умереть и попросить еще.

Сёма вытирает мокрые брови и отворачивается.

— Слушай, Сёма, будь я девушка, и если ты словишь хоть одного бичка.

— Здравствуйте, Клара Марковна.

— А, здравствуйте, без пиджака вас трудно узнать.

— Ну, как ваши? Пишут? А как ваши ноги?

— Благодарю вас. Ноги болят лучше. А ваша спина?

— Ее дело — быть сзади. Привет Марк Марковичу.

Рядом с зелеными трусиками лежит мешок, из полураскрытого полотняного рта которого торчит несколько огурцов. Сосед владелицы огурцов, раскачивая в такт словам ногей, поучает:

— Огурчики надо покупать, когда с моря низовка, а чуть повеяло горишником — огурцу это не нравится, он сразу морщинистый и желтый.

Мы все — купальщики. Всякий — в меру силы рук и в меру фантазии. Цена нам равная — со спортивной точки зрения. Даю краткий прейскурант:

а) *Плывущие враспашку*. На них полтрусика. Тела цвета дубовой коры. Бросаются не в воду, а прямо в горизонт. Бьют ладонями по волнам, по-дельфиньи ныряют — и через минуту они уже за линией баке-нов. На берегу их терпеливо дожи-

дается недочитанная газета и коробка с папиросами.

б) *Лягушатники*. К этому классу пловцов принадлежу и я. Я, как и все мы — люди лягушачьего класса, — плыву, разводя руками врозь, и толкая пятками воду вспять. Плы-вем мы медленно, доплываем до деревянного поплавка с надписью "дальше плыть воспрещено" и, искренне радуясь воспрещению, поворачиваем пятки к Трапезунду, а голову к прекрасному берегу Большого Фонтана. В десяти метрах от берега мы хлопаем себя по плечам, массируем свои ребра и пропускаем сквозь горло десяток глотков соленой воды.

в) *Окунальщики*. На каждой руке — по ребенку. Сзади, с берега, благословляющий жест толстогрудой жены. Входят в море по пуп, окунают детей. Дети пищат и плачут. Возвращаются назад. Вместе и жены, и они растирают простынями пухлые ребячьи тельца, обмываю им пяточки от приставшего ила и отползают назад, к деревянным грибам.

г) *Ладонщики*. Задом к Трапезунду — лицом к Одессе. Ладони уперлись в рыхлый песок, ноги взбивают буйную пену. Им кажется, что они плывут, что они уже пересекли море от берега к берегу. В глазах их восторг. Выйдя на берег, они ложатся лицом в песок и долго не могут наладить дыхание.

д) *Щиколотники*. Обычно это или пожилые люди, или дети, боящиеся волн, бьющих водой и пеной. Они входят в море по щиколотку. Они растерянно и робко улыбаются. Глаза их говорят: ты такое большое, такое сильное и синее, а я — варианты — такой уже слабый, или такой еще слабый; подожди, пока я умру, или подожди, пока я вырасту и стану большой, как волны.

е) *Брызгальщики*. У брызгальщика — жирное слоеное тело в поперечных складках. На левой руке черные часики. "Купаться? Нет, мне нельзя, я только так". Складчатый человек наклоняется над прибором и брызжет себе на лицо и на соски груди немножко соленых капель. Он улыбается. Он почти счастлив. И он, как другие, почти купался в этом, за горизонт уходящем, шумном и синем море.

ж) *Не знаю, как назвать*. Мальчик Юра. Родители, лежащие в тени гриба, запретили ему даже близко подходить к мокрому морю. Ни-ни! Но мальчик подбегает к пенной оторочке волн, протягивает короткие руки, манит на себя волну и, когда она, шурша камешками, бежит на его зов, мальчик со смехом и вскриками страха отбегает назад и прячет лицо в коленях матери.

Ну вот, трусики мои высохли. Бе-леет парус, но он не ищет страны далекой, а возвращается назад к берегу. Я поднимаюсь по крутой дороге к трамвайной станции. Слева киоск со всякого рода водами. Но над окошком привычное, в одно слово: ВОДЫНЕТ.

Местные жители так и говорят: "В водынете воды нет".

Дальше идут куцые дачки. На одной из них — надпись пожелтевшая и ободранная: "Если вы страдаете запахом ног и их потением, можно избавиться из одного раза и навсегда. Просьба убедиться. Одесса, Средняя ул., 11".

Поднимаюсь к станции трамвая, там сходятся большефонтанные и одесские вагоны. Тут, у стыка, два крохотных буфета. Официантка перебегает от стойки к стойке: "Веранда, вы, веранда, разменяйте рубль". На грязноватых подмостках — грязнущие бутерброды с надписью: "Домашка — 67 коп. за одну". Под домашку запрокидываются стаканы с водкой. Старик-рыбак закусывает не только домашкой, но и хамсой.

На крутом подъеме от моря к трамвайной станции — длинный, стоящий боком к пляжу дом. Тут вода всегда есть, потому что это заведение морских ванн, трубы которого глотают влагу прямо из моря. И полная краснолицая женщина, заведующая ванными процедурами, в день особого — чаще всего по праздникам — наплыва посетителей то и дело вторгается в длинную очередь у окошка кассы и кричит: "Товарищ касса, прекратите билеты. Ну, хоть на четверть часа, их столько, что на них Черного моря не хватит!"

Лето 1939

Публикация Веры КАЛМЫКОВОЙ и Вадима ПЕРЕЛЬМУТЕРА.

Специально для жителей жилмассива Таирова
учебный комплекс «Тиква» - «Ор Самеах»

объявляет набор
в детский сад и 1-й класс

(филиал школы расположен
на ул. Ильфа и Петрова, 38).

Справки по тел.:

777-15-64, 34-07-19, 731-10-67

Лицензия АБ № 117142 от 19.01.2005 г.

